

Когда кабинка достигла самой высокой точки, Шэнь Линмо легко коснулся руки Цзян Ляньчэня и произнёс в тишине:

— Цзян Ляньчэнь, почему ты такой хороший?

Цзян Ляньчэнь ответил не сразу. Пальцы машинально согнулись, словно неожиданная похвала обожгла его. Он повернулся к Шэнь Линмо. Цветные огни за окном переливались в его глазах, то вспыхивая, то гаснув, и среди них пряталось едва заметное смятение.

Несколько секунд он молчал, затем тихо сказал. Голос был мягче обычного и чуть хрипловат:

— Мне кажется, это ты хорошо ко мне относишься.

Сердце Шэнь Линмо резко подпрыгнуло. Он встретил взгляд Цзян Ляньчэня и увидел бушующие в глубине эмоции. Там оставалась знакомая холодность, но под ней было нечто новое — борьба, словно раскалённое чувство пыталось прорваться сквозь ледяную поверхность, а тот изо всех сил удерживал его внутри. Наружу просачивалось лишь напряжение у глаз и бровей.

Шэнь Линмо сразу понял. Цзян Ляньчэнь боялся. Боялся, что стоит признаться — и всё разрушится. Боялся, что нынешняя близость окажется иллюзией, а после откровенного разговора исчезнет даже возможность быть рядом.

Шэнь Линмо внезапно стало досадно на самого себя. В прошлой жизни он был тупым как бревно: Цзян Ляньчэнь столько времени молча его защищал, а он до самого конца так и не решился ответить.

В этой жизни, после перерождения, он обещал себе действовать первым. Но неужели всё ещё вёл себя слишком «по-прямому»? Может, все его проверки и сближения были недостаточно ясными, поэтому Цзян Ляньчэнь никак не мог убедиться в его чувствах и продолжал мучиться сомнениями?

Нет. Ждать больше нельзя. Конец света всё ближе, времени на медленное продвижение у него нет. И тем более он не позволит Цзян Ляньчэню снова в одиночку нести эту осторожную, скрытую любовь.

Шэнь Линмо глубоко вдохнул, и взгляд стал совершенно решительным. Он не отвёл глаз — наоборот, придвинулся ближе. Его нос почти коснулся щеки Цзян Ляньчэня, тёплое дыхание коснулось кожи:

— Цзян Ляньчэнь, ты мне нравишься. С этого момента я буду за тобой ухаживать.

Эти слова словно камень упали в спокойное озеро и мгновенно разрушили тишину кабинки.

Цзян Ляньчэнь застыл всем телом, будто на него наложили заклинание неподвижности. На неизменно холодном лице впервые появились явные трещины. Зрачки резко сузились, спокойствие в глазах полностью исчезло, уступив потрясению, неверию и той безумной радости, которую он не осмеливался показать.

Губы слегка дрогнули. Он несколько раз открыл рот и снова закрыл, прежде чем наконец выговорил дрожащим голосом:

— П-почему?

Почему именно он? Почему Шэнь Линмо вдруг сказал, что любит его?

Шэнь Линмо растерялся от вопроса. Он хотел ответить: потому что в прошлой жизни ты слишком многое для меня сделал; потому что в этой жизни я хочу защищать только тебя. Но этого нельзя было говорить — да и невозможно объяснить.

В итоге он лишь совершенно искренне произнёс:

— Не обязательно должна быть причина. Я просто хочу хорошо к тебе относиться, хочу быть с тобой и хочу, чтобы, что бы ни случилось потом, мы стояли рядом плечом к плечу.

Цзян Ляньчэнь смотрел на неприкрытую серьёзность в его глазах. Губы шевельнулись, будто он собирался что-то сказать, но в конце концов слова снова остались внутри.

Никто не знал, что под его холодной внешностью скрывается сердце, способное на крайнее, почти болезненное упрямство.

С тех пор как много лет назад он впервые обратил внимание на Шэнь Линмо, это чувство росло в нём словно дикая лоза и давно оплело все эмоции. Он боялся, что признание Шэнь Линмо — минутная прихоть или шутка. Боялся, что если согласится, уже никогда не сможет отпустить. И если однажды Шэнь Линмо пожалеет, он не знал, на что окажется способен.

Поэтому Цзян Ляньчэнь не решался сразу ответить. Он лишь изо всех сил сжимал кулаки, так что ногти почти впивались в ладони, сдерживая бушующий внутри порыв.

Прошло много времени, прежде чем он медленно заговорил. Голос всё ещё слегка дрожал, но в нём уже звучала уступка:

— Как хочешь.

Всего два слова — и сердце Шэнь Линмо мгновенно успокоилось. Он понимал: «как хочешь» от Цзян Ляньчэня означало молчаливое согласие на его ухаживания. Большого тот сейчас дать

просто не мог.

Колесо обозрения медленно пошло вниз. Атмосфера в кабинке стала немного странной, но вместе с тем неожиданно сладкой.

Когда они вышли из парка, в вечернем ветре уже чувствовалась прохлада. Шэнь Линмо запахнул куртку. Цзян Ляньчэнь посмотрел на него и естественно сказал:

— Я отвезу тебя обратно.

Шэнь Линмо улыбнулся и намеренно придвинулся ближе, хитро произнеся:

— Сейчас это я ухаживаю за тобой. Разве тот, за кем ухаживают, должен провожать? Наоборот, я должен проводить тебя.

Цзян Ляньчэнь замедлил шаг и повернулся. Во взгляде появилась серьёзность, не допускающая отказа:

— Ночью небезопасно. Я провожу тебя.

Голос оставался спокойным, но спорить с такой настойчивостью было невозможно.

Шэнь Линмо знал его характер, поэтому больше не препирался и с улыбкой кивнул:

— Хорошо.

Они поймали такси, и Шэнь Линмо назвал адрес отеля. По дороге Цзян Ляньчэнь почти не говорил, лишь смотрел на мелькающие за окном улицы. Но пальцы бессознательно тёрли колено, словно он пытался успокоить свои эмоции.

Шэнь Линмо сидел рядом и время от времени смотрел на его профиль. В душе было необычайно спокойно. Каким бы трудным ни оказалось будущее, если Цзян Ляньчэнь будет рядом, бояться нечего.

Такси остановилось у отеля. Шэнь Линмо отстегнул ремень и повернулся:

— Тогда я пойду. Будь осторожен по дороге.

— Угу, — Цзян Ляньчэнь кивнул и, увидев, как он открывает дверь, всё же добавил: — Поднимешься — ложись пораньше. Не сиди допоздна.

— Знаю, — Шэнь Линмо улыбнулся и махнул рукой, затем вошёл в вестибюль.

Только когда его фигура исчезла у лифта, Цзян Ляньчэнь велел водителю ехать. Машина растворилась в ночи. Он поднял руку и коснулся уха — там всё ещё сохранялся жар.

Глядя на неон за окном, Цзян Ляньчэнь почувствовал, как в глазах укрепляется решимость.

<http://bllate.org/book/18970/1864748>